

Александр Панченко:

«Вера — это культура»

Не стало академика Александра Михайловича Панченко. Лет пять тому назад мне посчастливилось взять у него небольшое интервью. Тогда в поисках Александра Михайловича в Пушкинском доме я наткнулся на его бронзовый бюст - аккурат напротив кабинета с табличкой «Академик А. М. Панченко». Но при ближайшем рассмотрении бронзы на ней обнаружилось пенсне и невесть откуда взявшаяся табличка «Антон Павлович Чехов».

Есть в облике русского интеллигента при всем разнообразии типов и особенностей какая-то общая родовая черта: нечто неуловимое в одежде, в том, как она сидит, в жестах, в умении вести речь и даже молчать. И Панченко был из этой породы. Мне кажется, в нем, как сказал бы Чехов, все было хорошо. И ясный ум историка, и облик такого добродушно ворчащего дядьки, не бесхребетность, но мягкость, умение выслушать собеседника, что, к сожалению в последнее время почти исчезло, и отсутствие апломба, как осознание своей силы, и даже его борода. Какая-то полураскольничья, полуакадемическая, замечательная русская борода.

Такое ощущение, что с уходом известного филолога, специалиста по древней русской литературе, автора и ведущего передач о русской истории, академика, русская культура осиротела.

Собственно об этом и был наш разговор, на который он согласился удивительно просто: «Приезжайте».

- Александр Михайлович, за перемещением вас по телеканалам трудно уследить. Вы то появляетесь в сетке вещания, то вдруг исчезаете. Есть надежда увидеть вас со своей передачей на одном из центральных каналов!

- Вы знаете, сейчас это никому не нужно. Телевидение пало. Как пала нация. Как... все пало. Они теперь песни поют и играют в наперсток. Ну, пожалуйста, пусть играют. Только зачем часами отнимать у нас время? По-моему, публика ото всего этого уже устала...

- У вас как у знатока русской истории, литературы, цивилизации нет ответа на традиционный русский вопрос: что нам делать? Или, как писал Чаадаев, наша цивилизация - пример окружающим, как жить нельзя!

- Еще на заре славянской культуры кем-то из тогдашних ученых мужей было отмечено, что Господь разделил дарование по нациям. Очень умно, кстати. У ассирийцев - астрология, у египтян - геометрия, у греков - риторика. А мы что, славяне? А нам Он дал литературу! У греков алфавит сложился столетиями, если не тысячелетиями. А у нас его, ба! - Кирилл и Мефодий взяли и сделали. Хорошо сделали. Мы не способны, я в этом уверен, к юриспруденции и к экономическим наукам. Что и доказывает наше теперешнее положение. Вот у них был Адам Смит. Рикардо. А русские выдумали один экономический закон. Называется он - основной экономический закон социализма: неуклонное повышение благосостояния трудящихся!

Мы - не плохие. Мы просто не способны. Давайте это осознали и пошлем учиться, причем не так по-дурацки...

- Вот посылали же Егор Тимурча в Гарвард...

- Ну, знаете, учиться-то тоже надо уметь. Гарвард - для них, а не для нас. Ты должен думать - а как к нам-то все это приспособить. Вполне возможно, что надо ото всего этого учения отказаться. Вот смотрите. Налоги никто не платит. Мой друг, директор русской службы «Свободы», приехал. Заходит ко мне. Открываю почтовый ящик. Там какая-то бумажка. Налоговая инспекция прислала. Я взял ее и выбросил. А он мне: «Ты что? Я в Америке все записываю, плачу...». А я ему: «Тут порядки советские, дурила. Америка - это Америка. А Россия - это Россия. Не пойду и все. И больше не пришлют!»

Или вот пошел мой друг в налоговую инспекцию (я, кстати, тоже позже все-таки сходил и заплатил). Живет он бедно, как и все писатели. Что-то вспомнил, написал. Там сидит барышня. И он говорит: «Я вспомнил». - «Честно?» - «Честно». А она ему: «А у нас сумма меньше, чем у вас, другие данные». Так что же мне, говорит, делать? Она отвечает: «А вы бросьте это...»

Комедия! Так что все это надо учитывать и действовать по обстановке.

Что меня волнует сейчас, так это наша легкость, с которой мы отказываемся от наших древних привычек. От своей кухни. Вот - пицца. А почему - не пироги с капустой, кулебяка, расстегаи, оладьи и т. д.? Где, к примеру, наше замечательное льняное масло? В нас сидит какая-то смердя-

ковщина. Наступление на привычки обывателя. Меня всегда оскорбляло. История в конце концов не только Парад Победы, блокада Ленинграда и т. д. История - это то, что я привык делать, кушать, как вести себя.

Хотел жене подарить беличью шубу (государственную премию получил, а так, с чего дарить-то?), так у нас уже много лет нет беличьих шуб. Раньше беличья шубка была одной из самых дешевых одежд. Смех...

У нас должны быть нормальные развлечения, опять же связанные с русской традицией: лапта, а не бейсбол и т. д. Горе в том, что сейчас нет никакой приходской жизни. В церковь зайдешь - полмиллиона народа. А приход должен быть - 150 человек. Чтобы все друг друга знали. Ведь это очень важно. Он, к примеру, киллер. Ах, ты - киллер? Причастия у батюшки не получишь и т. д. Большевики пытались заменить приходскую жизнь собраниями. Конечно, замена была кисловатая, но что-то было. Они делали это глупо. Были какие-то персональные дела, моральный облик...

- Что творится сегодня с Пушкинским домом?

- Что касается Пушкинского дома, то он пока держится. Хотя я должен вам рассказать очень страшную историю. К нам приезжал как-то Константин Натанович Боровой...

- Уже страшно...

- Директор позвонил. Приезжай. Я говорю: «Не приеду. Я - не манная каша. Я могу и...» В общем - способен на резкие поступки. Тот спрашивает: «А как вы живете?» Как, говорят, живем, ясно - как, как все, так и мы. Кое-как... А чего же, говорит, не продадите что-нибудь? У нас же все есть. Не только рукописи. Хотите нотный автограф Моцарта? - Тоже есть. Баха? - Пожалуйста.

- На самом деле - организовали бы аукциончик...

- Да, кинжал Лермонтова можно «толкнуть», все равно он у нас - «валяется» и т.д. Директор говорит: «Очень хорошая идея, Константин Натанович!» А потом позже мне: «Я не нашлся, что ему ответить...» А я говорю: «Я нашлся бы, я бы ему пинка...»

За всю историю Пушкинского дома были только две пропажи! Антиленинские частушки - первая. Вторая - в 42-м году, в страшный голод. У нас был такой экспонат - сноп пшеницы, подаренный крестьянами села Карабиха Некрасову. И вот сотрудники телеграфировали директору в Казань - можно ли намолоть и съесть? И он дал телеграмму: «Валяйте, ребята!» И 31 декабря съели. Это был новогодний ужин!

А то - продать? А что? Если такая пьянка пошла, то начнем с музеев. В Горном институте, к примеру, потом перейдем к Академии художеств, к Кунсткамере. Раскинемся. 200 лет будем пить! Как же это, товарищи? Ведь это все не наше. Мы просто приставлены к нему. Это - национальное достояние! Все пропасть - ничего не останется...

Может быть, одна из самых роковых проблем для России - это дурацкая религиозность. Русское такое легкоеверие. Ко мне, например, приходят свидетели Иеговы. Я не бог весть там какой верующий. Православный чело-

век, крест все время носил и сейчас ношу, естественно. Меня бабушка, прабабушка учили. Что от меня еще требуется? Вера - это ведь не только догмы и обряд. Вера - это культура.

Или взять кришнаитов. Ну, какие они кришнаиты? Возле Казанского собора они у нас с бубенчиками что-то там такое выписывают. Стыдно это все... Это неотесанность наша такая. Об этом тоже очень важно знать - почему неотесанность? Неотесанность - завоевание советского времени. Так сложилась судьба нашей деревни, лагеря, террор - трагедия, но это наиболее болезненная. Как Лев Николаевич Гумилев говорил, вот так держите полный чайник в руке, рука чуть дрогнула, вода пролилась, вот вам и революция. Уничтожение крестьянской Руси - вот что самое страшное! Потому что крестьянин, пока он живет в деревне, он на своем месте. Это еще Глеб Успенский отмечал. Как только в город приезжает, он спивается. Возвращается, все опять по-старому. Самое жуткое то, что крестьяне, Ельцин, например, или там Хрущев, вот они приезжают в город с сознанием универсала. Крестьянин же гораздо лучше погоду предсказывает, чем телевидение, метеотв. Он примет и теленка у коровы, и ребенка у жены, если уж на то пошло. Избу может построить. Он обязан это делать. Жизнь такая. И вот они с этим универсальным сознанием, с универсальной культурой приезжают в город. А в городе только профессионалы. Вот смотрите, все идут на красный и едут на красный. Это все - крестьяне! Потому что они и идут, как лошади ходят, у них там не обращают ни на что внимания. И вот крестьянин начинает учить людей, как стихи писать, как не писать. Когда они станут в городской стороне горожанами, тогда, может, что-нибудь получится...

- Кстати, о неотесанности. В стародавние времена неотесанных секли. Мне кажется, что нынешний премьер хорошо смотрелся бы с хлыстом, устраивая публичные наказания провинившихся министров...

- Ну, сечь, может быть, не в прямом смысле слова, но высмеять. Они хотя бы стали числительные количественные склонять. Например, выступает Руцкой. Он летчик. С летчика, конечно, какой спрос? Но все-таки. «Надо мной никто никогда не долбел!» Довлеть через «о», разумеется, откуда ему знать это слово? Он ведь тоже деревенский. Курянин! Довлеть в родстве со словом «довольно». Вот если бы мы с ним сели с бутылкой и закуской. Я бы ему сказал: «Руцкой, довлеет тебе 100 грамм?» Он бы ответил: «Нет, не довлеет. Мне довлеет 150!» Ну и отлично. Вот и научился бы... Ведь это оскорбительно!

Или еще пример: «В мой адрес поступил телефонный звонок...» Почему не сказать: «Мне позвонили по телефону»? Ведь это так просто. И короче. И все понятно.

А вот это - комплекс русской неполноценности: мэры, губернаторы, всякие там вице, премьеры? Ну почему? Витте был председателем кабинета министров. Он же нормально разговаривал.

Я был на приеме в Кремле и один официант говорил все время: «Ай эм сорри, ай эм сорри...» Я ему: «Брысь отсюда!»

- Может быть, развал государства произошел и от неправильного словоупотребления. Вспомнить хотя бы горбачевскую речевую «кашу». Все началось с распада слова!

- В общем, это сыграло свою роль. Развал государства начался с «гэканья». Это признак того, что юг победил север. Ведь «гэканье» в свое время вошло в такую моду, что, к примеру, товарищ Лигачев, который из Сибири откуда-то, и он тоже «загэкал». Приспосабливались они. Начальство «гэкает» и они «гэкают». А Гоголь ведь не «гэкал».

Или вот развал государства - «нечерноземье»! Как же так? Я - питерский. По матери - псковские корни. Отец, правда, с юга. И я, значит, - «не». Мы на вас посмотрим, вы какое-то там «нечерноземье». Вы - нелюди. Вы - не глиноземье, не подзол. Как вас еще называть-то?

Мы стали чужаками в своей собственной стране. И не случайно у нас насчет Ломоносова (образования). - И. М.) плоховато. Ломоносов-то с севера пришел. А север - пустой, холодный и голодный...

Беседовал
Игорь МИХАЙЛОВ.